

Важнѣйшія постановленія собора 1667 года относи- тельно благоустройства русской церковной жизни.

(Продолженіе).

Въ связи съ проектомъ раздѣленія Россіи на двѣнадцать округовъ или митрополій, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ составленъ былъ и другой проектъ, тоже опиравшійся на постановленія собора 1667 года, объ увеличеніи у насъ количества епархій: онъ рѣшилъ было образовать на Руси всѣхъ епархій—72, для чего и была составлена особая предварительная „роспись городомъ и монастыремъ, въ которыхъ градѣхъ быти епископомъ и въ которыхъ монастырехъ имъ жити и что за тѣми монастыри крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 187 году“, или, какъ выражается другая роспись: „о епископахъ, въ которыхъ градѣхъ быти, и что въ тѣхъ городѣхъ монастырей и за тѣми монастырями крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ“, причемъ принималось въ расчетъ „разстояніе отъ тѣхъ градовъ, гдѣ епископомъ быти; до другихъ городовъ, въ которыхъ владѣть имъ придаточными монастыри“, а также наблюдалось, „чтобъ епархія владѣнія своего больше двухъ сотъ верстъ не имѣла.“

Проектъ царя Ѳеодора Алексѣевича о раздѣленіи Россіи на двѣнадцать митрополій и объ образованіи новыхъ епархій, чтобы всѣхъ было 72, базировался несомнѣнно на постановленія собора 1667 года и осуществленія этого проекта требовали, очевидно, самыя насущныя интересы вѣры и церкви, самыя дорогіе и священные интересы всего православнаго народонаселенія тогдашней Россіи. Такъ дѣйствительно

и смотрѣль на свой проектъ самъ государь, но не такъ посмотрѣли на него тогдашніе наши іерархи,—они отнесли къ нему рѣшительно отрицательно.

Когда проектъ царя о раздѣленіи Россіи на двѣнадцать митрополій переданъ былъ на обсужденіе собора, то наши іерархи, отъ 8 февраля 1682 года, подали государю особую челобитную, въ которой заявляютъ: „бьютъ челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы великій государь милостивно ко архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойныхъ мѣстѣхъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ архіереевъ устроить — архіепископовъ, или епископовъ, особыми ихъ епархіи, а не подъ митрополитами быть подвластнымъ для того, чтобъ во архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разногласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласія и въ нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны“.

Такимъ образомъ, архіереи на соборѣ 1682 года рѣшительно возстали противъ раздѣленія епархій на митрополичьи округа, съ соподчиненными митрополитамъ архіереями, а пожелали, чтобы каждый епархіальный архіерей по прежнему оставался въ своей епархіи совершенно самостоятельнымъ управителемъ, лишь подъ верховнымъ надзоромъ одного патріарха, какъ это было ранѣе. Причины, почему они не желаютъ раздѣленія на митрополіи, архіереи высказываютъ очень неопредѣленно и неясно: они будто бы боятся, чтобы вслѣдствіе учрежденія двѣнадцати митрополій съ соподчиненными каждому митрополиту епископами „во архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разногласія, и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласія и нестроеніи святой церкви преобидѣнія, и отъ народа молвы и укоризны“. Но какимъ образомъ и почему все это должно было произойти при болѣе правильномъ, съ церковными канонами согласномъ устройствѣ нашего церковнаго управленія,—наши іерархи не объясняютъ, да едва ли и могли объяснить, такъ какъ истинная причина ихъ противленія учрежденію у насъ двѣнадцати митрополичьихъ округовъ заключалось совершенно въ другомъ.

Наши епархіальные архіереи изстари привыкли быть въ своихъ епархіяхъ совершенно автономными правителями, въ епархіи во всемъ и всегда царилъ только воля „владыки“,

личное усмотрѣніе „великаго господина“—архіерея, и недовольному его дѣйствіями и распоряженіями подчиненному жаловаться было некому. Конечно у насъ былъ высшій управитель церкви и, въ извѣстномъ отношеніи, начальникъ всѣхъ архіереевъ—патріархъ. Но онъ былъ слишкомъ далекъ и высокъ для обыкновеннаго рядоваго духовенства другихъ епархій, которое поэтому едва ли легко и свободно могло находить къ патріарху доступъ при своихъ жалобахъ на того или другого мѣстнаго епархіальнаго архіерея, и едва ли всегда могло встрѣчать въ патріархѣ охоту и желаніе внимательно и безпристрастно разслѣдовать жалобы на епархіальныхъ архіереевъ. Да если бы архіерей и дѣйствительно оказался въ чемъ либо серьезно виновнымъ, судить его и покарать за вину одинъ патріархъ не могъ, — судить и карать архіереевъ могъ только соборъ, а созывъ собора было въ то время дѣломъ настолько хлопотнымъ и труднымъ, что и по болѣе важнымъ дѣламъ соборы у насъ собирались очень и очень рѣдко. Въ виду этого древне-русской архіерей чувствовалъ и сознавалъ себя въ своей епархіи полновластнымъ и безконтрольнымъ владыкою надъ всѣми подчиненными ему лицами, а послѣдніе по неволѣ должны были оказывать ему безусловное во всемъ повиновеніе, хотя бы архіерей и дѣйствовалъ неправильно и несправедливо, такъ какъ на такія дѣйствія архіерея они нигдѣ не могли найти суда и управы. Но положеніе епархіальнаго архіерея значительно измѣнилось, если бы тогдашняя Россія дѣйствительно была бы раздѣлена въ церковно-правительственномъ отношеніи на двѣнадцать округовъ съ митрополитами во главѣ и подчиненными, входящими въ составъ округа, епархіальными архіереями. Тогда бы послѣдніе постоянно чувствовали надъ собою ближайшій надзоръ и контроль своего областного митрополита, который ежегодно бы собиралъ окружные соборы и на эти ежегодные областные соборы сравнительно легко было бы всѣмъ недовольнымъ и обиженнымъ подавать на архіереевъ свои жалобы, которыя бы соборъ разбиралъ и обсуждалъ и дѣлалъ по нимъ тѣ или другія свои постановленія. Болѣе ревностные изъ областныхъ митрополитовъ стали бы проявлять тогда особую энергію и усердіе въ насажденіи болѣе строгихъ и справедливыхъ порядковъ въ управленіи подчинен-

ныхъ имъ архіереевъ и усилили бы свой контроль и бдительное наблюденіе надъ ними, что, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно могло бы иногда повести къ столкновеніямъ между митрополитомъ и подчиненными ему епархіальными архіереями, къ упрекамъ по адресу митрополита въ „высости“ и т. под. Естественно, что перспектива подобныхъ порядковъ при новомъ церковномъ управленіи вовсе не улыбалась тогдашнимъ свободолюбивымъ епархіальнымъ архіереямъ, которые поэтому рѣшительно и отклонили на соборѣ 1682 года проектъ царя Ѳеодора Алексѣевича объ образованіи у насъ двѣнадцати округовъ съ митрополитами во главѣ, а предпочли остаться при прежней зависимости отъ одного только патріарха, который уже и территоріально всегда стоялъ такъ далеко отъ ихъ епархій и хода всѣхъ ихъ епархіальныхъ дѣлъ.

Второй свой проектъ объ образованіи 72 новыхъ епархій царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ передалъ сначала на предварительное разсмотрѣніе патріарха Іоакима съ бывшими тогда при немъ архіереями, которые нашли, что проектъ царя слишкомъ широкъ и трудно осуществимъ и потому предложили государю сократить число вновь открываемыхъ епархій до 33-хъ. Государь съ этимъ согласился и на соборѣ 1682 года внесено было царское предложеніе объ открытіи только 33 новыхъ епархій, причемъ государь былъ увѣренъ, что соборъ пойдетъ навстрѣчу его справедливымъ и полезнымъ для церкви начинаніямъ, тѣмъ болѣе, что своимъ проектомъ онъ только осуществлялъ постановленія собора 1667 года. Но соборъ русскихъ іерарховъ не оправдалъ надеждъ государя. Онъ призналъ, что слѣдуетъ и полезно открыть новыя епархій, но не 72 или 33, какъ предлагалъ царь, а только одиннадцать, да и изъ этихъ одиннадцати въ дѣйствительности открыты были только *четыре*, а остальные семь совсѣмъ не открывались. Иное дѣло, что архіерей вовсе не сочувствовали проекту царя и совсѣмъ не желали открытія новыхъ епархій, и если согласились на дѣйствительное открытіе новыхъ четырехъ епархій, то сдѣлали это очень неохотно, только уступая желанію и настояніямъ государя.

Очень характерны тѣ причины, какія побуждали русскихъ іерарховъ на соборѣ 1682 года противиться открытію новыхъ епархій.

Учредить новыя епархіи можно было, конечно, не иначе, какъ раздробивъ уже существовавшія ранѣе епархіи, чрезъ выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ или другихъ частей, и, значить: съ учрежденіемъ новыхъ епархій необходимо сокращались предѣлы старыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ необходимо болѣе или менѣе уменьшались и доходы прежнихъ архіереевъ. Каждый монастырь, каждая приходская церковь съ причтомъ, всѣ церковныя владѣнія были обложены въ древней Руси извѣстными податями въ пользу епархіальнаго архіерея, и потому отчужденіе ихъ отъ данной епархіи, въ видахъ образованія новой, неизбѣжно сокращало прежніе обычные доходы архіерея. Это обстоятельство и было одною изъ главныхъ причинъ, почему архіереи всячески противились открытію новыхъ епархій. Они, не стѣсняясь, сами открыто заявляли на соборѣ, что будто бы „у митрополитовъ изъ епархій: астраханскаго, псковскаго, смоленскаго, нижегородскаго; у архіепископовъ: у суздальскаго, у тверскаго— изъ ихъ епархій не изъ чего вновь быть архіереомъ; епархія малоградны и разстояніемъ не дальны... Въ вятскую епископію прибавить архіерея не изъ чего, потому что во градѣхъ церквей и монастырей мало“. Очевидно, боязнь оскудѣть въ доходахъ и прибыляхъ продиктовала архіереямъ приведенныя соборныя постановленія.

Не менѣе, если не болѣе, характерно и другая причина, по которой архіереи не хотѣли согласиться съ проектомъ государя объ открытіи намѣченныхъ новыхъ епархій. Въ своей челобитной соборъ іерарховъ просилъ государя „архіереевъ устроить“ только „въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ“, а въ самомъ соборномъ постановленіи іерархи разясняютъ, что они разумѣютъ подъ пристойными для архіереевъ мѣстами. Соборное постановленіе говоритъ, что въ далекіе города „на Лѣнну въ Дауры посылать отъ духовнаго чину архимандритовъ и игуменовъ и священниковъ добрыхъ и учительныхъ—для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ; а епископимъ въ тѣхъ далкихъ городѣхъ нынѣ быть неудобно — малолюдства ради христіанскаго народа“ ¹⁾.

¹⁾ Документы, относящіеся къ собору 1682 года, напечатаны въ приложеніи къ книгѣ Н. Виноградова: Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ. 1899 г.

Въ этомъ официальномъ соборномъ заявленіи тогдашнихъ архіереевъ ярко вскрывается присущій имъ довольно своеобразный взглядъ ихъ на самихъ себя, на свое общественное положеніе и обязанности, на свое отношеніе къ паствѣ. Архіерей, по ихъ представленію, какъ „владыка“ и „великій господинъ“, могъ жить только въ „пристойныхъ мѣстахъ“, какими были города „многонародные“, когда въ городахъ и окружающей ихъ области было много церквей и монастырей, съ которыхъ бы архіерей могъ получать довольноные для его жизни и надлежащей обстановки доходы, почему въ тѣхъ дальнихъ городахъ, гдѣ православное народонаселеніе не многочисленно, гдѣ мало церквей и монастырей—„епископомъ быть неудобно“. Неудобно имъ быть на бѣдныхъ окраинахъ и потому еще, что тамъ пришлось бы имъ заниматься миссіонерствомъ среди невѣрныхъ, а подобное занятіе для епископа соборъ іерарховъ находить тоже неудобнымъ, несозвѣснымъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и достоинствомъ епархіальнаго „владыки“. Въ виду этого соборъ и постановляетъ: посылать въ отдѣльные, крайные, съ малымъ христіанскимъ населеніемъ города, гдѣ требуется просвѣщать и обучать невѣрныхъ, не архіереевъ, а лицъ низшаго іерархическаго ранга: архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, которые и должны заниматься тамъ „обученіемъ христіанскому закону и просвѣщеніемъ невѣрныхъ“.

Очевидно, древне-русскій архіерей и представить себѣ не могъ, чтобы ему, какъ архипастырю и преемнику самихъ апостоловъ, можно было жить не въ многонародномъ, а въ какомъ нибудь незначительномъ, отдаленномъ и малонаселенномъ городѣ, жить безъ обычной богатой по-мірски пышной архіерейской тогдашней обстановки, получать не большіе, а только умѣренные доходы, заниматься не дѣлами только епархіальнаго управленія и совершеніемъ пышныхъ архіерейскихъ служеній, а скромнымъ и невиднымъ хотя и апостольскимъ дѣломъ—дѣломъ просвѣщенія и обученія невѣрныхъ. Государственный сановникъ и мірской властелинъ слишкомъ сильно выдвигался въ древне-русскомъ архіерей предъ духовнымъ архипастыремъ, преемникомъ апостоловъ.

Въ то время когда наши іерархи никакъ не хотѣли согласиться на уменьшеніе объема своихъ громаднхъ епархій и на упрощеніе своей архіерейской обстановки и жизни, на

этомъ однако продолжали, и въ послѣдующее время, настаивать предъ русскимъ правительствомъ восточные патріархи. Въ 1692 году іерусалимскій патріархъ Досіеѳей пишетъ московскому патріарху Адриану, что интересы православія требуютъ увеличить въ Россіи число епископскихъ кафедръ и образовать изъ нихъ округи, во главѣ которыхъ должны стоять митрополиты съ подчиненными ему епископами. Чтобы устранить препятствія къ выполнению этого предложенія, Досіеѳей пишетъ: „аще есть мысль нѣкихъ архіереевъ, яко аще поставятся и инии епископи, умалятся нынѣшнихъ епископовъ приходы—глаголемъ: яко да сохраняются предѣлы, узаконенія и преданія святя церкви восточныя, зане преступленіе аще и мало, но имѣеть великое мученіе; а еже имѣти архіереемъ великія приходы,—не нужно есть. Второе, яко архіерее суть святыхъ апостоловъ преемницы: яко же апостоли ничесого имѣша, а архіерее да имѣють мало. Третье, за церковь пролилъ есть Сынъ Божій кровь свою,—и не есть праведно архіереемъ лишеимства ради умоляти, или стужати церкви Божіи, ея же ради Христось умре. Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибытокъ, но на пользу и прибытокъ общій. Пятое, соборъ коеяждо каеолитескія церкви не зреть, что глаголетъ онсица и что хочеть онсица и что годно онсицѣ, но что пользуется церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголемъ тому съ Павломъ: мы сицеваго обычая не имама, ниже церковь Божія. И аще кто или нѣцые противоглаголють, или преслушаютъ церковь, убо имѣеть тыя яко язычники и мытари, власть же наказуетъ, не бо суетно мечъ носить, но да добрыя снабдѣваетъ, тако противоглаголющія извергаетъ и низлагаеть“. Въ царскомъ указѣ въ патріаршіи „Разрядъ“ отъ 2 апрѣля 1693 года говорится, что іерусалимскій патріархъ Досіеѳей, съ присланнымъ имъ архимандритомъ Хрисанеомъ, писалъ государю: „слышно де у нихъ во всей Палестинѣ у всѣхъ православныхъ, что въ Россіи чинятся нѣкоторыя въ церковныхъ правилахъ отступленія, а во иныхъ дальнихъ странахъ умножилась нѣкоторая ересь капитонская. И о семъ онъ, святѣйшій патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ единомышленно просить, дабы великіе государи указали поставить нѣсколько въ накоторыя города и дальніе страны вновь епископовъ, которые бь могли народъ учить, дабы не

прельщались. А присланный ево, святѣйшаго патріарха, архимандритъ Хрисанѣъ, по приказу патріаршему, объявилъ тому способы: чтобъ тѣхъ новыхъ епископовъ хиротонисать на Москвѣ и потомъ послать для бытія ихъ въ тѣхъ городѣхъ къ преосвященнымъ митрополитомъ подъ власть ихъ. А когда случится изъ тѣхъ епископовъ которому смерть, и на ево бѣ мѣсто тамъ много хиротонисалъ преосвященный митрополитъ по древнему церковному обыкновению. Такимъ же подобіемъ и въ Сибири и въ иныхъ дальнихъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, при митрополитанскихъ престолехъ, учинить нѣсколько епископовъ, которые бѣ могли распространять церковь Божию“. Въ 1700 году патріархъ Досіеѣй писалъ государю: „уповаемъ слышати и уже слышали, что въ Азовъ святое и богомудрое царство ваше повелѣлъ быти митрополиту, а ведется быти и епископомъ по городомъ, потому что много епископовъ бываетъ причина, чтобъ были добрые и богомудрые, и дабы не учинили тягости царской казнѣ, житіе ихъ чтобы было по древнему обычаю каеолической церкви, сирѣчь, смиренное, а наипаче: понеже суть сосѣди наши, чтобы было и житіе ихъ, яко же и наше,— патріархи и здѣсь, въ Царѣградѣ, наипаче пѣши ходять. Архіереи суть нищіе; и прежь сего были, какъ познается отъ исторіахъ и отъ собранія вселенскихъ соборовъ, что такъ нищіе были, что цари ихъ кормили; платья дорогія духовнымъ людямъ непристойно, а носили такія платья икоборцы. И буде изволить, прочтите правило шестое на десять вселенскаго седьмаго собора, которое весьма низвергаетъ. Тѣмъ же кротчайшій и Богомъ почтенный святой самодержце, мѣсто, которое взялъ мечемъ своимъ, почти апостольски, чтобы были и архіерей много, и чтобы были нищіе, якоже и апостоли, для правленія добраго тамошнихъ христіанъ“. Въ 1705 году патріархъ Досіеѣй снова обращается къ государю съ совѣтомъ умножить въ Россіи число епископскихъ каедръ. „Молимъ, пишетъ онъ, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣсть у шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополѣ, а другаго въ Нарвѣ, чтобъ было удобнѣйшее церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, а въ иныхъ епископы подлежащіе митрополиту, и тако да возрастаетъ пре-

даніе вѣры православныя. И еще будетъ какое нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ: архіереевъ украшеніе и расходы многіе, тогда сотворитъ власть вашего царскаго величества менши, какъ имѣли то въ Царѣградѣ архіереи во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на одежды наши всѣ не изойдетъ пяти сотъ копѣекъ“¹⁾).

Но ни постановленія въ присутствіи восточныхъ патріарховъ собора 1667 года, ни старанія царя Ѳеодора Алексѣевича, ни неоднократныя настоянія іерусалимскаго патріарха Досіеоя, чтобы у насъ возможно больше увеличено было число архіерейскихъ каедръ, чтобы у насъ въ церковномъ управленіи, ради обширности территоріи, ради интересовъ вѣры и церкви, введена была, въ извѣстной степени, децентрализація, выражающаяся въ учрежденіи митрополитанскихъ округовъ, ни указанія съ востока на необходимость упростить и, такъ сказать, удешевить всю жизнь и обстановку нашихъ архіереевъ,—не имѣли никакого значенія для нашей послѣдующей церковной жизни.

Третьимъ важнымъ вопросомъ, рѣшеннымъ соборомъ 1667 года, былъ вопросъ о судѣ надъ духовными лицами. Какъ мы знаемъ, московскіе патріархи и всѣ русскіе архіереи творили судъ надъ духовными лицами чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей. Никонъ такой порядокъ признавалъ вполне нормальнымъ и правильнымъ и открыто сознавался, что самъ онъ дѣйствительно не судилъ духовныхъ лицъ, а предоставлялъ это дѣло своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, такъ-де велось изстари у всѣхъ русскихъ архіереевъ. Соборъ 1667 года, признавая такой порядокъ рѣшительно неправильнымъ, постановляетъ: „быти духовному человѣку, сирѣчь архимандриту со многими искусными мужи, во патріаршѣ дому въ духовныхъ дѣлѣхъ судити и разсуждати духовныя лица, сирѣчь священническаго и монашескаго чина, яко да не повлачаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да су-

¹⁾ Непереплетенный сборникъ москов. синод. бібліотеки № IV. л. л. 44—86. Греческіе статейные списки № 12, л. 1062. Греческія дѣла 1700 г. №№ I и II.

дять мірскія люди освященнаго и монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, якоже запрещаютъ святая правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Такожде повелѣваемъ и во всѣхъ архіерейскихъ домѣхъ быти духовнымъ искуснѣйшимъ мужемъ судити духовныя лица и духовныя дѣла, якоже и въ патріаршемъ дому духовный судія, сирѣчь архимандритъ со клеветы, да судять архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, протопоповъ, поповъ, діаконовъ, и всѣхъ церковныхъ причетниковъ и инокинь о всякихъ дѣлѣхъ“.

Вслѣдствіе этого соборнаго постановленія о неподсудности духовныхъ лицъ мірскимъ судьямъ въ 1668 году въ Москвѣ открытъ былъ особый—Духовный приказъ съ спеціальною цѣлю давать въ немъ судъ по всѣмъ дѣламъ духовнымъ лицамъ. Въ статьяхъ о святительскихъ судахъ, собранныхъ по повелѣнію патріарха Адріана, сказано: „въ прошломъ во 176 году, генваря во 2 день, великій господинъ, святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указаль послать въ Монастырской и во иные приказы памяти, чтобъ архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и священниковъ, и діаконовъ, и монаховъ, и инокинь, и церковныхъ причетниковъ, и ихъ людей судити въ Духовномъ приказѣ властямъ, по повелѣнію великаго государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича... и по изложенію всего освященнаго собора. И во 176, генваря въ 4 день, противъ соборнаго изложенія, въ Монастырскій приказъ послана память, а въ памяти написано: архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и священниковъ, и діаконовъ, и монаховъ, и инокинь, и весь церковный чинъ и ихъ людей мірскимъ людямъ ни въ чемъ не судити, а судити ихъ во всякихъ дѣлѣхъ архіереевъ, комуждо во своихъ епархіяхъ, или кому повелятъ отъ духовнаго чину, а не отъ мірскихъ. И по указу великаго государя и по изложенію святѣйшихъ патріарховъ и всего освященнаго собора, на патріаршѣ дворѣ велѣно быть въ Духовномъ приказѣ судіями: изъ Переславля Залѣскаго Городицкаго монастыря архимандриту, да Чудова монастыря келарю, да Стрѣтенскаго собора протопоцу, а по иныхъ приказѣхъ архіереевъ, священническаго и иноческаго чину и ихъ людей судити не велѣно“. Въ 1675 году Духовный приказъ былъ закрытъ и всѣ дѣла, бывшія въ немъ, поступили въ вѣдѣніе патріаршаго приказа, называемаго

Разрядомъ, который и ранѣе вѣдалъ всѣ судебныя дѣла патріаршей области. Только теперь въ Разрядѣ, на ряду съ зашедшими тамъ патріаршими боярами, появилось новое лицо „приказный старецъ“, избравшійся патріархомъ изъ архимандритовъ, или іеромонаховъ, и завѣдывавшій тѣмъ отдѣленіемъ приказа, въ которомъ судились по всѣмъ дѣламъ духовныя лица, изъятыя съ 1667 года изъ подъ суда патріаршихъ бояръ и, вообще, мірскихъ лицъ ¹⁾.

Соборъ 1667 года, конечно по инициативѣ восточныхъ патріарховъ, позаботился исправить одну тяжелую несправедливость, какая у насъ существовала цѣлые вѣка относительно вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Наши старыя русскіе соборы рѣшительно запрещали священнодѣйствовать всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, такъ что они, овдовѣвъ, не иначе могли сохранить свой санъ, какъ постригшись въ монахи. Эта несправедливость къ части блага духовенства, крайне раздражала его, что и выразилось на соборѣ 1503 года, разсуждавшемъ „о вдовахъ попѣхъ и діаконовѣхъ“, извѣстнымъ страстнымъ протестомъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипицы, хотя его протестъ и не имѣлъ никакого практическаго значенія. Соборъ 1667 г., поэтому поводу, говоритъ, что ранѣе русскими соборами запрещено было священнодѣйствовать вдовымъ священникамъ и діаконамъ, но, заявляетъ соборъ, „судися же, яко аще и кромѣ правилъ приложися, еже вдовствующимъ священникомъ не служити божественныя литургіи, обаче за умноженіе безчинія неискусныхъ причетниковъ, опаства ради, добрѣ повелѣся: нѣци бо тогда, за неискусство ученія, презирающе священная правила и попирающе свою совѣсть, недостойни дерзашу служити. Сіе злое россійстѣи пастыри пресѣцающе, повелѣша вдовствующимъ попомъ и діакономъ не касатися божественнѣй службѣ; презрѣша же разлучити чистыхъ отъ иныхъ невоздержныхъ, ихже всегда подобаетъ отлучити. Извѣстно же сотворися святому собору, яко нынѣ, Божіею благодатію, въ россійстѣмъ народѣ обрѣтаются священники и діаконы, имущіи разумъ божественныхъ писаній, еще же вѣдующіе и правильныя вины и жи-

¹⁾ Матеріалы для ист. раск. II, 247—248. Чт. общ. ист. и древн. рос., 1847 г. № 4, стр. 15—16. Ак. эксп. IV, №№ 213 и 309.

тіе имущіи чистое“. Въ виду этого послѣдняго обстоятельство соборъ говоритъ: „отнынѣ, аще ключится овдовѣти которому отъ священнаго чина іерею или діакону, таковымъ повелѣваемъ, аще не зазираетъ имъ совѣсть ихъ о житіи въ нѣчесомъ возбраняющемъ священства, невозбранно да служить; аще же по смерти жень своихъ кто отъ священныхъ обличенъ будетъ въ каковыхъ дѣлѣхъ, яже возбраняють священнодѣйствія, по сыску, сирѣчь по архіерейскому крѣпкому истязанію и по достовѣрныхъ людей свидѣтельству, аще обрящется повиненъ, тогда да отлучится священнодѣйствія, или да извержется по дѣлѣхъ его: понеже бо не жены ради попъ, или діаконь, и не жены ради умертвіа запрещають священнодѣйствія, но за порокъ невоздержанія, или иныхъ безмѣстныхъ дѣлъ, яже запрещають священствовати. Ибо издревле священными правилами неимущіи жень причетницы не запрещахуся, якоже святая правила свидѣлствуютъ святыхъ отецъ“. Приводя затѣмъ разныя правила, допускающія священнодѣйствовать вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, соборъ заключаетъ: „вдовымъ священникамъ и діакономъ, опасное житіе имущимъ и безъ зазора сущимъ, служити божественную литургію, а житіе имѣти и впредъ со всякимъ опасеніемъ и воздержаніемъ, и лицъ зазорныхъ въ домѣхъ своихъ отнюдь не имѣти, якоже повелѣвають священная правила“.

Соборъ 1667 года не ограничился только возстановленіемъ нравъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, но пошелъ въ этомъ направленіи и далѣе. Собору, точнѣе предсѣдательствовавшимъ на немъ патріархамъ, поставленъ былъ такой вопросъ: „о вдовствующихъ священницѣхъ и діаконыхъ, иже во вдовствѣ жевятся вторымъ бракомъ, како имъ жити и въ какомъ чину?“ На это соборъ отвѣчаетъ: „унше было бы имъ и честнѣйше въ цѣломудріи житіе свое препроводити, и священство непорочно соблюдать и святую литургію совершати, якоже и прежде, нежели женитися... Аще же кто отъ клириковъ, сирѣчь пресвитеръ, діаконь и поддіаконь вдовствуютъ во младости, и малодушіа ради случится кому оженитися: возможно ему въ церкви на клиросѣ пѣти, и псалмы глаголати, и ино что подобно дѣяти и питатися отъ святыхъ церкви, зане уди церковніи быша, не гнушатися ими и не безчестовати во всемъ въ простолюдинскомъ чину. И

аще кто явится отъ таковыхъ искусень и потребень въ какихъ царскихъ, или гражданскихъ дѣлехъ, не возбранно есть быти, кромѣ воинскаго чина“ 1).

Такимъ образомъ, въ то время, когда Никонъ, какъ рассказываетъ Павелъ Алепскій, двухъ дьяконовъ, овдовѣвшихъ во время бывшаго въ Москвѣ мороваго повѣтрія и потомъ опять женившихся, велѣлъ замуравить въ особо построенную для этого избу, не имѣвшую ни входа ни выхода, а только одно маленькое отверстіе, восточные патріархи овдовѣвшихъ и вновь женившихся священниковъ и дьяконовъ разрѣшаютъ оставлять при церквахъ въ качествѣ псаломщиковъ и получать имъ доходы отъ прохожденія этой должности, а желающимъ изъ нихъ они представляютъ право поступать на любую государственную и общественную службу, кромѣ военной.

Кромѣ указанныхъ важнѣйшихъ постановленій соборомъ 1667 года, въ видахъ благоустройства нашей церковной жизни, составленъ былъ цѣлый рядъ другихъ менѣе важныхъ постановленій, касающихся тогдашней церковно-обрядовой нашей практики, церковнаго благочинія, блага и чернаго духовенства, нѣкоторыхъ народныхъ нравовъ, обычаевъ и т. под. () свадьбахъ, на примѣръ, соборъ говоритъ: „проувѣдѣхомъ сіе, яко, егда бываетъ бракъ, сирѣчь тайна супружества, и грядущимъ жениху и невѣстѣ ко церкви, и хотящимъ вѣнчаться, мнози безумніи, пренебрегающіи сію святую тайну, козлогласуютъ нелѣпыми и безстыдными словами, невѣжествомъ своимъ. Сего ради повелѣваемъ всѣмъ священникамъ поучати сихъ безчинниковъ, да престанутъ отъ безумія и безчинія сего, и аще кто отнынѣ не престанетъ отъ сего безчинства гнуснаго, да будетъ отлученъ, и да накажется и градскимъ закономъ, яко безчинникъ“. Практическаго значенія это соборное постановленіе никогда не имѣло.—О благочинномъ стояніи въ Церкви соборъ дѣлаетъ такое постановленіе: „впослѣднѣ повелѣваемъ съ великимъ запрещеніемъ всѣмъ православнымъ, иже во священномъ и въ монашескомъ чину, такожде и всѣмъ сановитымъ и прочимъ мірскимъ людямъ, большимъ и малымъ, мужемъ и женамъ: яко во святѣй церкви во время службы Божіи, въ

1) Матер. II, 384—488.

вечернѣ и на утренѣ, а наипаче же во святую литургію стояти съ молчаніемъ и со страхомъ Божиимъ, и съ умиленіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ о своемъ спасеніи Бога молити въ тайнѣ, а не бесѣдовати о суетномъ попеченіи. Зане въ святую литургію Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ тайно закаляется о нашемъ спасеніи; а намъ бесѣдовати о суетныхъ и привременныхъ попеченіяхъ зѣло пребеззаконно есть, и вмѣсто оставленія грѣховъ и спасенія осужденіе пріимемъ“. Конечно у насъ и ранѣе этого соборнаго постановленія всѣ хорошо знали, что во время богослуженія не слѣдуетъ никому разговаривать, а тѣмъ болѣе о предметахъ суетныхъ. Но какъ ранѣе, такъ и послѣ собора, это требованіе никогда строго не соблюдалось.—У насъ былъ обычай, что молящіеся являлись въ церковь съ своими домашними иконами, которыя каждый ставилъ въ церкви гдѣ попало, всякій молился только своей иконѣ, только предъ нею ставилъ свѣчку, причемъ одинъ становился къ иконѣ сосѣда, а нерѣдко и къ алтарю задомъ, молясь толкали другъ друга, вслѣдствіе чего происходили въ церкви между молящимися споры и ссоры изъ-за мѣсть для приносимыхъ иконъ и по другимъ причинамъ. Соборъ по этому поводу говоритъ: „приде и то во слухъ нашъ, отчасти же и самѣмъ видѣти приключися, яко вообычаися здѣ неблаголѣпо, еже прихожаномъ иконы своя домашнія во церкви приносить и, всякаго чина кромѣ, идѣже кто хошетъ поставляти, не согласився и со священникомъ, чесо ради свары и прѣнія, паче же и вражды обыкоша бывати. Ктому, яко свѣщи всякъ предъ своею иконою поставляетъ, небрегомымъ сущимъ мѣстнымъ иконамъ олтарнымъ, и всякъ своей иконѣ моляся на различныя страны поклоняются, и тако веліе въ церкви смятеніе и неблагочиніе бываетъ. Симъ же извѣтомъ неискусніи людіе своя си иконы боги своя именуютъ, чесо ради явствуются не знати единства Божія, паче же многобожія непщевати. Еще же, овогда тыя святаыя иконы въ церковь приносятъ, овогда же износятъ, наипаче во свѣтлыя дни Воскресенія Христова, обнажающе храмъ красоты его, еже все есть нелѣпо. Тѣмъже судихомъ отселѣ сичевому безчинію не быти. Аще бо кто хошетъ икону поставити во церкви, да отдасть ю вовсе церкви, не именуя ея своею, ниже износя отнюдь никуда, священникъ благочинно

да поставитъ ю. Свѣщи первѣе мѣстнымъ олтарнымъ иконамъ да представляются, потомъ же прочимъ. Поклонъ чинно да творится, ко олтарю обращшимаея“. Это соборное постановленіе практически уничтожило у насъ тѣ безчинія въ церквахъ, какія соединены были съ приносомъ въ нихъ домашнихъ своихъ иконъ молящимися.—Относительно монашествующихъ лицъ соборъ рѣшительно постановляетъ, чтобы иноки всю жизнь проводили только въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ они постригались, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не переходили изъ монастыря въ монастырь, а тѣмъ болѣе они не должны скитаться „сѣмо и овамо“. Соборъ говоритъ: „хочемъ убо отнынѣ, да не преходятъ отнюдь монахи изъ монастыря, идѣже кто общаея и постригся, во инъ монастырь; такожде черницы да не скитаются сѣмо и овамо: зане яко не токмо соблажняютъ народы и смущаютъ, но послѣдуютъ и ина многочисленная безмѣстная, яже срамно есть и глаголати“. Чтобы какъ вибудь улучшить наше тогдашнее распущенное монашество, соборъ настаиваетъ, чтобы впредь никого не постригать въ монахи безъ предварительнаго строгаго искуса, который долженъ опредѣлить: можетъ или нѣтъ, заявляющій желаніе принять монашеское постриженіе, быть настоящимъ монахомъ по своимъ личнымъ качествамъ и по характеру своей жизни и поведенія. Такъ слѣдуетъ поступать потому, говоритъ соборъ, „зане мнози ангельскій образъ обругаша, извлекшесе одѣянія монашескаго безъ всякаго стыденія; сего ради подобаетъ быти опасенію многу о сей вещи и великое разсмотрѣніе прежде начинанія, и не постригати никокова человѣка безъ правильнаго искуса ни въ монастыри, паче же въ пустыняхъ. весьма да не постригаютъ ни едиаго человѣка, ради вражія смущенія бѣгающихъ отъ господей своихъ и непостоянства ихъ... Преслушающіе же сію нашу заповѣдь и правило наказани да будутъ запрещеніемъ и отлученіемъ. Обаче правило искуса есть, яко же рекохомъ, въ трехъ лѣтѣхъ, а по нуждѣ соизволяемъ быти въ полъ, сирѣчь въ полтора года. Сіе снисхожденіемъ глаголемъ, а не правило“. Только люди знатные и вѣдущіе могутъ не подчиняться требованію о трехлѣтнемъ искусѣ предъ постриженіемъ въ монашество, ихъ постригаютъ въ монахи по усмотрѣнію настоятеля. „А знатныхъ и вѣдущихъ

людей, говорить соборъ, постригати по разсмотрѣнію настоятеля“.

Особенно сурово и нѣсколько пренебрежительно соборъ 1667 года отнесся къ нашему тогдашнему бѣлому по преимуществу сельскому духовенству. Соборъ говоритъ: „поставляемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ, и страху Божію и всякому церковному благочинію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту; а не оставяти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову кормчествовати и во священство поставлятися селскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, колми паче людей. Тѣмъ убо бывають въ церкви Божіи мятежи и расколы“¹⁾. Соборъ 1667 года, значить, желаетъ, чтобы у насъ священники при приходскихъ церквахъ были наслѣдственны т. е. чтобы священство и, конечно, другія церковныя должности переходили по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, причемъ священникамъ—отцамъ вмѣняется соборомъ въ обязанность готовить своихъ дѣтей, чрезъ обученіе ихъ грамотѣ и всякому церковному благочинію, къ должности священства. Этимъ соборъ хотѣлъ уничтожить ранѣе существовавшее у насъ выборное начало при поставленіи въ приходскіе священники, приравнивая выборы священниковъ прихожанами къ кормчеству. Но въ тоже время самъ соборъ признаетъ, что между священниками были и такіе, которые „ниже скоты пасти умѣютъ“, а слѣдовательно, не могли обучать дѣтей своихъ ни книжному искусству, ни церковному благочинію. И вообще мѣра: создать у насъ болѣе грамотное и культурное духовенство путемъ подготовки къ священству отцами — священниками своихъ дѣтей, не могла достигнуть цѣли ради невѣжества всего тогдашняго духовенства вообще, которое не могло передать своимъ дѣтямъ того, чего само не имѣло. Очевидно, для водворенія среди тогдашняго духовенства хотя бы самыхъ элементарныхъ знаній и хотя бы самой начальной образованности, превышающей простое умѣнье читать, требовались иныя мѣры. Это хорошо сознавали бывше на соборѣ восточные патріархи и другіе греческіе архіереи, которые и поста-

¹⁾ Матеріалы II, 230—257, 365

рались указать русскимъ на единственно дѣйствительное средство, которое только и можетъ сдѣлать русское духовенство образованнымъ.

Въ день Рождества Христова 1668 года отъ лица патріарховъ произносится въ Успенскомъ соборѣ переведенное на русскій языкъ слово „О взысканіи премудрости Божественныя“. Въ этомъ словѣ патріархи заявляютъ своимъ русскимъ слушателямъ, между которыми были: царь со всѣмъ синкливомъ, всѣ русскіе архіереи, бѣлыя и черныя власти, рядовое духовенство и народъ: „о вашемъ благоговѣйствѣ, православный родъ россійскій, нѣсть намъ усумнѣнія, яко всякъ готовъ есть благочестно усты и сердцемъ новорожденна славить Бога... Но не вѣмы, можетъ ли всякъ истинно о себѣ ко Богу сиче глаголати: *уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ*. Видимъ бо, яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣеть премудрость мѣста, идѣже главу приклонити, скитається она, якоже Христось, премудрость Божія, въ Виелеемствѣ вертепѣ, и нѣсть взыскай ея, аще и премудрый приточникъ вся вы увѣщеваеть... Се колікая, о православніи людіе, премудрости изводства, польза и приобрѣтеніе. Вы же, оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ, отъ него же имѣете просвѣщеніе ваше въ вѣрѣ православной, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ аки свѣтильникъ держать, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Арапове же не хиратонисаютъ и одинаго, неискусна суца греческому языку, и иніи роди премнози за корень мудрости греческій языкъ имѣють, и того роди Святыи Боже, херувимскую пѣснь поютъ гречески и возгласы греческимъ языкомъ творять, якоже грузи, серби, болгары, мултяне и волохи. Здѣ точію, лѣности роди, зѣло обезцѣнися (греческій языкъ). Тѣмже блюдемся, да не отъ васъ оно истинствуется, еже въ книгѣ Премудрости въ главѣ третѣй написася: *премудрость и наказаніе уничижаяя не честенъ есть, и праздно упованіе ихъ, и труды безплодны, неключима дѣла ихъ и прочая*. Сиче убо мы, пастыріе стада Христова сущіи, наблюдше у васъ несовершенство, молимъ именемъ Божія премудрости, нынѣ рожденна міру, да взыщите премудрость, яже есть свѣтъ очесъ умныхъ и правило всему житію чело-

вѣческому... Ниже отрицайтесь неимѣніемъ училищъ, ибо аще възыщите, дасть предвѣчная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотѣніе, еже училища построити и учителя стяжати въ семъ царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“. И обращаясь затѣмъ непосредственно къ самому царю, патріархи говорили: „положи отнынѣ (государь) въ сердцѣ твоемъ, еже училища—такое греческія и иная—назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учителя благоискусныя възыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти, то абіе узриши многи ученія тцатели, а по малѣ времени пріимеши, дасть Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмянъ“.

Желаніе патріарховъ побудить русское правительство открыть у насъ правильно устроенныя училища, въ которыхъ бы русскіе могли получать научно-школьное образованіе, у насъ тогда совершенно отсутствовавшее, было, конечно, само по себѣ прекрасно. Этимъ удовлетворялась бы настоящая, насущная потребность тогдашняго русскаго общества, уже начавшаго понемногу просыпаться отъ своей вѣковой умственной спячки. Но, оказывается, патріархи, внушая русскимъ открывать у себя школы, имѣли въ этомъ случаѣ въ виду не одно только безкорыстное насажденіе на Руси науки и образованности вообще, а преслѣдовали и свои особыя, спеціально грекофильскія цѣли. Это довольно ясно видно уже изъ приведеннаго отрывка ихъ слова. Патріархи желаютъ, чтобы на Руси открывались училища только съ обязательнымъ для русскихъ изученіемъ греческаго языка, который долженъ занимать въ русскихъ школахъ доминирующее значеніе, быть основою всѣхъ ихъ истинныхъ знаній, источникомъ ихъ настоящей христіанско-православной мудрости. Греческій языкъ, какъ языкъ высшій и совершеннѣйшій по сравненію со всѣми другими языками, долженъ возможно широко войти во все русское богослуженіе, удерживаться, хотя бы отчасти, въ самыхъ русскихъ церковныхъ съ греческаго языка переведенныхъ книгахъ; какъ языкъ священный долженъ быть знаемъ и по возможности употребляемъ всѣми священными лицами, а, въ концѣ, и всѣми истинно-православными христіанами. Отъ незнанія греческаго языка и пренебреженіе имъ въ церковной жизни

народовъ всегда происходили самыя печальныя явленія, какъ это и было, между прочимъ, у самихъ же русскихъ ¹⁾).

Свои мысли о великой важности греческаго языка и необходимости его изученія для русскихъ патріархи особенно опредѣленно и подробно излагаютъ въ другомъ своемъ къ русскимъ обращенномъ словѣ, носящимъ надписаніе: „Поученіе, или бесѣда увѣщательная“. Въ этомъ поученіи патріархи проводятъ такой взглядъ на значеніе греческаго языка: ветхій завѣтъ былъ написанъ по еврейски, „и того ради не многимъ знаемъ бжше“. По желанію Божію египетскій царь Птоломей Филадельфъ за 250 лѣтъ до Р. Христова велѣлъ перевести ветхій завѣтъ на греческій языкъ, „воежебы вѣдати народомъ и языкомъ отъ пророковъ провѣщанная языкомъ еврейскимъ о Христѣ Миссии, пріити хотящимъ“. На греческомъ языкѣ писаны три Евангелія, на греческій языкъ переведено было и четвертое Евангеліе—отъ Матѳея, въ началѣ написанное на еврейскомъ языкѣ, на греческомъ языкѣ написаны были всѣ апостольскія писанія, почему знаніе греческаго языка, въ большей или меньшей степени, сдѣлалось у христіанъ обязательнымъ. „Ни единому арабу, говорятъ патріархи, мощи нынѣ хиротонисану быти, развѣ аще бы греческому прежде научился языку и природный арабскій умѣлъ бы чести кромѣ всякаго препятія“. И западные иновѣрные христіане многое удерживаютъ у себя изъ греческаго языка, что видимъ у латинянъ: „гречески нынѣ чтется апостоль, гречески и святое евангеліе поется, и самый святой символъ на серебряныхъ дскахъ изваянъ бжше во время Льва папы римскаго... И иніи роди, нынѣ во всемъ востоцѣ живущи, нѣкія ради чести и отъ отцевъ преданія хвалы, на литургіяхъ возгласы обыкоша еллински творити и прочая нѣкая блюдутъ неповрежденна... понеже вси роди похваляются имѣти начало отъ языка греческаго и наслѣдно отъ него нисходити“. Не то видятъ патріархи въ православной Россіи. „Вы же, говорятъ патріархи, о православніи людіе россійстии (но молю, да не во зло вмѣните себѣ, ввегда услышати вамъ отъ насъ, дву патріарховъ, правду), вы, глаголемъ, толкующе греческія ваши книги на словенскій языкъ вашъ, и не единыя книги оставляюще греческія кромѣ

¹⁾ Ibid. т. IX, 81—83

толкованія и преведенія, тако, яко ниже сѣни, или останкомъ якимъ нашего греческаго языка въ нихъ оставити вамъ во память. Того ради послѣдоваша вѣкая погрѣшенія: сія же не злыя ради вины, точію невѣжество дѣля, и нерадѣнія о греческомъ языкѣ, иже единъ правильно и твердо держитъ священо святое Христово Евангеліе, якоже повсемѣстный и во всемъ мірѣ разліянный... Откуда нещуете родишася прозябли (прозябенія) суетныхъ словесъ, нынѣ по всей Москвѣ разсѣянныхъ, развѣ отъ самага лишенія греческаго языка, еже вы, не добро творяще, весьма отвергли есте? Ибо во иныхъ странахъ зизанія ересей и блядивая ученія возрастоша; едино точію зерно чистое, еже собрано баше многимъ потомъ и превеликими труды, сѣмо къ вамъ принесено баше, зерно чистое, кромѣ куколи и кромѣ тернія,— и хлѣбъ чистый Божіею милостію и благодатію, по седми святыхъ вселенскихъ соборахъ, въ сей преславнѣйшей земли уквасися“. Патріархъ Фотій будто бы (въ дѣйствительности московскій митрополитъ Фотій) изобразилъ символъ вѣры греческимъ языкомъ на своемъ омофорѣ и прислалъ его на Русь съ цѣлію: „еже быти ему во знамя любве ко грекомъ неизмѣнныя. Но, продолжаютъ патріархи, предсти его и насъ всѣхъ надежда, того ради, яко ни самому Трисвятому слышимъ вами пѣтися, ниже Херувимской пѣсни (разумѣется на греческомъ языкѣ). Тѣмже преиде сонмъ злыхъ, помалу всходя, якоже всему церковному древнему преданію измѣнитися и смутитися, сирѣчь, яко всякъ хотяи быти учитель“. Обращаясь затѣмъ къ государю, патріархи говорятъ: „зри веселымъ лицомъ Христову церковь, яже уже отлагаетъ одѣяніе смутное вдовиное и свѣтлыми одѣвается одеждами, яки невѣста прекрасная, законнаго своего жениха вмалѣ ожидая. ...Надежднѣ восклицаемъ и глаголемъ: радуйся и веселися, о царствующій граде Москва, иже скипетры Палеологовъ наслѣднѣ пріялъ еси и не кромѣ Божія смотрѣнія сіе наслѣдствіе держиши!... Се уже тебѣ седмькратъ очищенное на седми святыхъ соборахъ вселенскихъ серебро православія изъявихомъ, и талантъ намъ патріаршества, свыше ввѣренный, предъ тобою никако же сокрыхомъ. Едино точію остаеть: да еллински украсится російская церковь, не точію словенски глаголющи, но и гречески поющи охтан. Тако бо исполнится и премудрая Платонова

похвала, иже рече той градъ блаженный быти, въ немже царь философствуетъ еллинствуя, или грекъ царствуетъ философствуя, все житіе свое ведый гречески, или яко второй Птоломей въ семь богохранимомъ градѣ Москвѣ основаніе полагая новыхъ собраній училищныхъ, или, да паче речемъ, свѣтлыя мирницы умовъ, ко взысканію и совершенному стяжанію греческаго языка, тако, воежебы греческимъ юношамъ отвсюду сѣмо пришествовати въ царствующій градъ Москву, ради чтенія и разума пристяженія“. Но бремя открытія на Руси училищъ патріархи не желаютъ возложить на одного царя, а приглашаютъ принять въ этомъ дѣлѣ активное участіе и всѣхъ русскихъ архіереевъ „и избраннѣйшихъ начальныхъ архимандритовъ, яко имѣющихъ многія общины и доходы довольныя, да приложатся единодушно ко божественному сему дѣлу ревностно взаимъ творяще, суще яко очеса прочихъ, паче же церкви члены начальнѣйшіе, и да будутъ содѣйственницы благому: греческій языкъ въ древнее приводяще досточестіе, аки пресаждаяще его, яко маслину, нынѣ мнимую лѣсную быти, да будетъ садовая и плодovitая“. За такую дѣятельность патріархи обѣщаютъ богатое вознагражденіе. „Обѣщаемъ бо, говорятъ патріархи, яко сіи (греческія училища) не малую пользу сотворятъ вашимъ монастыремъ и епархіамъ, архіепископіамъ и митрополіамъ, егда тѣи спудеи и питомцы, паче и паче растуще въ премудрости, достигаютъ высоты премудрости, спасающе себе и прочія. Ибо когда и прежде бывшіи партіарси оставиша здѣ патріархію, пятую оную быти утверждающе, между иными заповѣдями, яже единодушно оставиша, и то завѣтоваша, да здѣ соборъ училищный, украшенный, различными приходами, сотворится, къ расширенію ученія и юношъ, хотящихъ учиться, умноженію вѣдуше велію быти оттуду церкви и царству ползу“. При этомъ патріархи заявляютъ, что они, греки, котя и живутъ въ тяжкой турецкой неволѣ, однако открыли у себя въ Византіи училище „тоже ради сохраненія перваго и царственнаго онаго (т. е. греческаго) діалекту дѣвственно и безвредно, налагающе многую цѣну, нетако на довольное и нужное припитаніе спудеовъ, ниже ихъ учителей на возмездіе, яко на загражденіе ненавистныхъ гортаній нечестивыхъ, хотящихъ, да мы вси слѣпи пребудемъ и да не вѣмы писа-

нія искусствомъ первыя нашея чести, премудрости и величества. Сіи Христовы врази, кто вѣсть, аще ненавистію и завистію не въ конецъ разорять училище сіе“. И, обращаясь ко всеѣмъ русскимъ, патріархи говорятъ: „но вы, о преблагословенніи россійстіе людіе, Божиємъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете, ниже дань съ насиліемъ царемъ даете, но свободно жительствоуете и велій покой имѣете; обаче ученія лишается волею, мало цѣнящее и мудрость предстоящую Богу, не добръ о ней дерзающе, презираете“. И въ заключеніе снова обращаясь къ царю, патріархи говорятъ: „о колика и какова была бы слава во всеѣхъ подь солнцемъ сущихъ рабѣхъ, иже имѣють часть нѣкую на святыхъ мѣстахъ, Божиими стопами топтанныхъ, аще бы монастырь, или часть нѣкую отъ святаго онаго мѣста вашъ родъ православно-россійскій, одержалъ, священная дѣйствуя народнѣ и царскаго имени воспоминаніе творя явнѣ и на проскомидіи молитвъ приношеніе! Ибо нѣсть рода подь солнцемъ сущихъ, иже бы не имѣлъ во святомъ ономъ градѣ и въ земли обѣтованія храма молитвеннаго, того ради, яко велико себѣ почитаютъ тамо имѣти домъ молитвенный, идѣже стояете нози Господни. Того дѣля отъсюду стекаются народи въ Іерусалимъ градъ, во еже бы поклонитися яслемъ Господнемъ и святымъ пеленамъ Христовымъ во Вифлеемѣ, иже насъ ради воплотися и младенець бысть; такожде да видятъ на Голгоѣѣ Господню страшную страсть, распятіе и самое превеликое чудо священнѣйшій свѣтъ, иже на спасенномъ гробѣ Господнемъ во вся лѣта является, и вѣрнымъ раздается, и отъ нихъ приеъмлется; во еже бы видѣти храмъ Воскресенія Христова, гору Елеонскую, святыи Сіонъ, и гору Фаворскую, ими же утѣшаются, иже свободу приеъмлютъ хожденія тамо. Не суть ли здѣ премнози россійстіи люди, иже желаютъ видѣти и пити Іорданскія воды? Ей, мнози суть. Но за страхъ мучительскій и прещенія тамо господствующихъ не могутъ шествовати. Убо, о непобѣдиме царю Алексіе Михайловичѣ, сотвори удобный путь, ведущій во Іерусалимъ, идѣже родися, обрѣзася и крестися, погребеся, вознесеся нашего ради спасенія Іисусъ Христосъ“. 1) — Это послѣднее пожеланіе

1) Ibid. 272—280.

восточныхъ патріарховъ объ устройствѣ въ Палестину удобнаго пути для русскихъ паломниковъ и о постройкѣ въ Іерусалимѣ специально русскаго монастыря, осуществлялось, и сейчасъ осуществляется, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Такимъ образомъ, въ соборной и во всей вообще московской дѣятельности двухъ пріѣхавшихъ къ намъ восточныхъ патріарховъ и другихъ грековъ, красною нитью проходитъ сознательно-тенденціозное стремленіе перестроить всю русскую церковную жизнь по образцу тогдашней греческой, поставить ее въ тѣсную связь и зависимость отъ представителей греческой церкви, которая должна, какъ это было у насъ встарину, имѣть въ русской жизни руководящее и уряжающее значеніе, такъ какъ русская церковная жизнь, предоставленная только самой себѣ, безъ руководства грековъ, какъ будто бы показала опытъ, принимаетъ ложное и даже еретическое, хотя бы и несознательное, направленіе, грозящее окончательною гибелью православія на Руси. И только призванные въ Москву греки опять направили русскую церковную жизнь на настоящій православный путь,— безъ грековъ православіе у насъ замутилось бы окончательно. Но одной чисто церковной сферой патріархи не ограничились. Они желали бы, чтобы и русскій царь, „иже скипетры Палеологовъ наслѣднѣ пріялъ,“ по Платону, „все житіе свое велъ гречески“; они желали бы и всю нашу послѣдующую народную умственно-культурную жизнь подчинить греческому вліянію и воздѣйствію; они хотѣли, чтобы въ нашихъ переводныхъ церковныхъ книгахъ были сохранены нѣкоторыя греческія слова и реченія, чтобы нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія въ обычномъ богослуженіи пѣлись у насъ на греческомъ языкѣ, чтобы у насъ устроены были всюду такія школы, въ которыхъ бы греческій языкъ занималъ господствующее положеніе, какъ единственная основа всякаго истиннаго знанія, чтобы въ эти греко-русскія школы не только приглашены были учителя греки, но чтобы въ нихъ открытъ былъ свободный доступъ для всѣхъ пріѣзжихъ молодыхъ грековъ, которые пожелаютъ въ нихъ учиться. И все это въ тѣхъ видахъ, чтобы все греческое и греки заня-

ли на Руси подобающее имъ почетное и, конечно, вліятельное положеііе во всемъ ходѣ русской жизни. Какъ на всѣ эти поползновенія тогдашней Византіи прочно, почетно и вліятельно водвориться въ тогдашней Россіи, отвѣтила дѣйствительная русская жизнь, мы отчасти уже видѣли, а послѣ сдѣлаемъ по этому поводу и еще нѣсколько замѣчаній.

Н. Кантревъ.
